ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.В. ДРОЖАЩИХ
(Тюмень)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ КЛЮЧЕВЫХ ЛЕКСЕМ В ПРОГНОСТИЧЕСКОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТАХ

Рассматриваются когнитивные структуры, лежащие в основе прототипной семантики ключевых слов в прогностическом и поэтическом аллитерационном текстах. Рассмотрены парадигматика и синтагматика ключевых лексем, вскрыты схожие направления концептуализации структур паранаучного и художественного знания, моделируемые с опорой на событийную ситуацию и телесный базис человека.

Ключевые слова: *когнитивные структуры, прогностический текст, поэтический текст, аллитерация, прототипная семантика.*

Настоящая статья посвящена изучению вопроса об актуализации структур знания, общих для вторичных моделирующих систем, и выполнена в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон, В. Эванс, А. Ченки), теории прогностического текста (Е.Н. Азначеева, L.S. Chardonnes, R. Liuzza), поэтического текста (Г.О. Винокур, Ю.В. Казарин, Ю.М. Лотман). Тема исследования представляется актуальной вследствие обращения к современной парадигме гуманитарных наук, в рамках которых осуществляется поиск общих структур знания, воплощенных в языке и дискурсе.

В качестве объекта статьи выступают когнитивные процессы моделирования знания в астрологическом и поэтическом текстах, предмета изучения – структуры знания в данных текстах. Цель статьи – выявить общие когнитивные структуры, лежащие в основе семантики ключевых лексем прогностического и поэтического текстов. Материалом исследования послужили лексемы и микроконтексты, собранные из оригинальных английских и переводных прогностических текстов разных эпох [5; 10–12] и аллитерационной поэзии англосаксонского периода [6].

Рассмотрение прогностического текста предпринято в общей теории прогностики, где изучаются прогностический тип дискурса, связанный с конструированием возможных миров (В.Б. Кашкин), астрологический дискурс и его символика (Е.Н. Азначеева), прагматика текста гороскопа (Е.Р. Савицкайте), коммуникативные функции гороскопа (М.В. Богодерова), ранние прогностические тексты (L.S. Chardonnes, O. Neugebauer, H.D. van Hoesen, R. Liuzza). Аллитерационные структуры изучаются в исторической лингвистике (В.М. Жирмунский, М.И. Стеблин-Каменский), поэтике (О.А. Смирницкая, D. Minkova), теории формульности (Г.И. Мальцев, A. Lord). Развитие и функционирование лексических единиц и структур знания исследуются в компаративистике (Э. Бенвенист, В.В. Левицкий, У. Леман, В. Орел, К. Уоткинс, C.D. Buck), трудах по лексической семантике (Л.Г. Бабенко, Т.В. Матвеева, А.А. Холодович), когнитивной семантике и поэтике (Н.Н. Болдырев, P. Stockwell), лингвоконцептологии (В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин), семантической деривации (А.А. Зализняк, Г.И. Кустова, М.Н. Лапшина, О.Б. Пономарева), трансформации структур научного, паранаучного, художественного и наивного знания (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, М.Н. Кожина, Л.П. Крысин, Е.М. Мелетинский, М. Фуко, М. Элиаде).

В настоящей статье мы выявляем базовые элементы знания и символической образности, заложенные в астрологических и поэтических текстах. Базовыми мы называем элементы прототипного знания, формирующего наивную картину мира: «Прототипная информация позволяет установить базовые координаты в мире вокруг нас, она образует ту картину мира, которая позволяет нам ориентироваться и поэтому характеризуется наличием оценочных установок» [2, с. 90]. Астрология – одна из вторичных моделирующих систем, которая позволяет человеку ориентироваться в мире, упорядочивая реальность по принципу аналогии, симпатии и синхронно-

© Дрожащих Н.В., 2017

сти. Прогностический текст представляет собой функционально-символическую систему, концептуализацию жизненного опыта человека в результате эмоционально-чувственного осмысления действительности. Знания, реализованные в такого рода тексте, во многом иррациональны, т.к. реальность познается в терминах аффективной образности. Равным образом поэтический язык как производное от естественного языка и конденсатор художественного знания характеризуется символикой и богатой образностью, восходящими к системам знаний глубокой древности. Поэтический аллитерационный текст является функционально-эстетической системой, «особым образом организованным языком» (Ю. Лотман), где важную роль играют аналогия, ассоциирование и концептуальный перенос. Общим у двух моделирующих систем является не только членение на единицы и наличие парадигматики / синтагматики (Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров), но и сам характер иллогического осмысления действительности и ее символического кодирования. Схожие принципы структурирования вторичных моделирующих систем позволяют предположить наличие общих когнитивных структур, лежащих в основе организации художественного и паранаучного текстов. Специальных исследований, посвященных вопросу о реализации схожих структур знания в данных типах текстов, не проводилось, хотя следует отметить работы, посвященные взаимодействию когниции и аффективного знания (В.И. Шаховский, T. Dalgleish, J.M. Mandler, A. Moors, M. Power), различных модусов восприятия действительности (В.И. Карасик). Между тем изучение данной проблематики позволяет выявить когнитивные основы формирования символической образности в тексте как сфере пересечения структур наивного знания и эстетического осмысления действительности.

К когнитивным структурам, реализующимся в прогностическом и поэтическом аллитерационном текстах, относятся логические структуры, правила, концепты, аналогии, образы и нейронные связи (P. Thagard). В статье рассматриваются аналогии (сходство элементов различных концептуальных областей), ассоциации (связь различных ментальных состояний), базовые имидж-схемы (относительно абстрактные ментальные репрезентации), метафорические переносы (трансфер элементов опыта из одной содержательной области в другую) и базовые концептуальные оппозиции. С точки зрения когнитивной лингвистики важно выявить типичные ментальные и аффективные образования, подвергающиеся символико-эстетической интерпретации в двух типах текстов.

Рассмотрим символику прогностического текста. В тексте гороскопа как схеме концептуализации знания о судьбе человека парадигматически связаны символика планет, знаков зодиака и домов гороскопа. Планеты выступают как психологические функции человека, знаки зодиака – как внутренние характеристики планетарных сил, дома гороскопа – как внешние проявления функций планет в разных сферах человеческого опыта. Языковой реализацией символики гороскопа являются ключевые слова – аккумуляторы основных смыслов текста, коррелятом которых служат «небесные» аналоги. Например, ключевыми словами для планеты Марс являются лексемы *воля, энергия*, для Сатурна – *ограничение, изоляция.* Ключевыми словами для домов гороскопа выступают, в частности, лексемы *индивидуальность, физическое тело, здоровье, внешность* (I дом); *партнеры, контракты, сотрудничество, брак, открытые враги* (VII дом) и т.д. (Б. Хербст). Синтагматический план текста гороскопа составляют комбинации символов и ключевых слов. Так, при нахождении Марса в X доме в знаке Рака синтагматические отношения реализуются на уровне синтагмы: *человек-руководитель проявляет волю и энергию благодаря опеке и заботе о подчиненных (в лучшем случае) и посредством интриг, эмоционально не выдержанно, трусовато, закулисно (в худшем случае)*, где представлены соответствующие лексемы, относящиеся к планете (Марс, *воля, энергия*), знаку зодиака (Рак, *опека, забота, интрига, эмоциональность, трусость, слабость*), X дому (*руководитель*).

Обратимся к символике I, VII, IV, X домов, определяющих главные события жизни человека, и XII дома (дома тайных врагов и несчастий) и моделирующим их когнитивным структурам. В основе I дома *life* ‘жизнь, начало, личность, восток, восход’, VII дома – *marriage* ‘партнеры, закат, запад, передача энергии другим’, IV дома *parents* ‘родители, подземный мир, север, низ’ и X дома *honours* ‘достижения, почести, юг, верх’ (O. Neugebauer, H.D. van Hoesen) лежит наивное знание, где в качестве точки отсчета выступает человек, стоящий лицом к восходящему солнцу и наблюдающий его движение по небу (его правая рука указывает на юг, а левая – на север). Точки *восток / запад* концептуализируются

как имидж-схемы ВПЕРЕДИ – СЗАДИ и метафоризируются как БЛАГОПРИЯТНЫЙ – ВПЕРЕДИ и НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ – СЗАДИ. Точки *юг / север* соответствуют имидж-схемам ВЕРХ – НИЗ и ПРАВЫЙ – ЛЕВЫЙ и также осмысливаются в терминах ‘благоприятный / неблагоприятный’. Соответственно, символика главных домов гороскопа обусловлена представлениями о восходе, кульминации и заходе солнца как его путешествии в подземный мир и связана с концептуальными оппозициями *жизнь / смерть, день / ночь, лето / зима* и пространственными ориентирами *восток, юг / запад, север*, ср.: др.-англ. *easte,* древневерхненем. *ōstan* ‘восток’, лат. *aurōra* ‘рассвет’, *auster* ‘южный ветер’; др.-англ. *suð* ‘юг, южный’, *sunne* ‘солнце’, санскр. *dakṣiṇā* ‘правый’ и ‘южный’ / др.-англ. *west* ‘запад’, лат. *vesper* ‘вечер’, санскр. *avas* ‘внизу’, ирл. *īar* ‘сзади’, *t-īar* ‘на западе’, др.-ирл. *tūaiscert* ‘север’ и ‘левый’; др.-англ. *norþ* ‘север’, греч. *νέρτερος* ‘нижний мир’, умбрский *nertru* ‘левый’ [7, с. 871–873; 8, с. 159]. Аналоговый перенос структур ВПЕРЕДИ – СЗАДИ и ВЕРХ – НИЗ на абстрактные – социальные структуры предопределяет реализацию оппозиции I / VII домов как оппозиции метафор ЛИЧНОСТЬ – ВПЕРЕДИ и ПАРТНЕРЫ – СЗАДИ, а IV / X домов как оппозиции метафор ПОДЗЕМНЫЙ МИР, ПРЕДКИ – НИЗ и ДОСТИЖЕНИЯ – ВЕРХ.

XII дом гороскопа, именуемый в классической традиции Genius malus *злой гений*, или дом Сатурна, символизирует конечный этап человеческой судьбы, где на первый план выходит служение людям, Богу, идеалу, подчинение, смирение, подавление Я, что интерпретируется как негативный опыт. Образность дома формируется семантикой единиц, связанных с символикой «радующейся» планеты дома Сатурном: ‘ограничение’, ‘подавление’, ‘изоляция’, ‘концентрация’, ‘старость’, ‘смерть’, ‘черный цвет’, ‘несчастье’, ‘волшба’, ‘грех’, ‘холод’, ‘меланхолия’, ‘экономия’ [13, с. 401]. К ключевым словам этого фрагмента гороскопа относятся лексемы *enemies, enmity, court trials, slaves, imprisonment, exile, toil, servants, misery, bane, adversity, anxieties, ill-omen, illness, disease, infirmity, fear, dangers, self-undoing, death, harbours, prison, foreign country*. Парадигматические связи лексем XII дома отражают негативные межличностные отношения и эмоционально-оценочные состояния (‘враждовать’); социальные отношения – подчинение (‘зависеть от кого-либо’); социальную, трудовую деятельность (‘работать, служить кому-либо’); негативное физическое воздействие на объект – перемещение, удаление (‘изгонять кого-либо’); помещение – закрытие, изоляцию (‘заключить в тюрьму, изолировать’). Данные действия, воздействия и отношения связаны с негативными качественными физиологическими состояниями (‘страдать, горевать, быть несчастным, слабым, болеть’) и эмоциональными состояниями (‘бояться, беспокоиться, страх’). В семантику единиц дома входят бытийные значения – прекращение бытия (‘саморазрушение, смерть’). Типичные агенты в данном фрагменте действительности – ‘тайные враги человека’, типичные локации – ‘уединенные местоположения, тюрьма, чужие страны’ [5; 10, с. 56; 11, с. 151; 12, с. 51].

Базовые когнитивные структуры, лежащие в основе семантики лексем XII дома, включают внешние, по большей части негативные воздействия человека на физический объект (тело другого человека) с целью его изменения и установления отношений зависимости. В когнитивной лингвистике данные отношения описываются в имидж-схемах динамики силы Л. Талми (force dynamics), где фигурируют АНТАГОНИСТ как каузатор воздействия и АГОНИСТ как каузируемый субъект (объект), испытывающий воздействие, в частности ПРИНУЖДЕНИЕ и ОГРАНИЧЕНИЕ (COMPULSION, RESTRAINT). Изменения объекта – его перемещение, удаление, изоляция и подчинение, принуждение к социальной деятельности – сопровождаются формированием его негативных экспериенциальных (физиологических, эмоциональных) состояний и реализацией схем динамики силового воздействия КАУЗАЦИЯ (ОППОЗИЦИЯ, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, УДАЛЕНИЕ, ПОДЧИНЕНИЕ, ОГРАНИЧЕНИЕ), КАУЗИРУЮЩЕЕ / КАУЗИРУЕМОЕ СОСТОЯНИЕ (ПРИЧИНА / РЕЗУЛЬТАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ). На их базе формируются переносы типа ДЕЙСТВИЕ → КАУЗАЦИЯ → СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ), отраженные в полисемии слов древнеанглийского языка и родственных им лексем. Ассоциированные смыслы связаны отношениями семантической производности (А.А. Зализняк), что указывает на общий источник происхождения смысла. Ср. совмещение значений в семантическом комплексе а) **работать – заставлять – наказывать:** др.-англ. *wyrcan*, *gewyrcan* ‘работать, строить, совершать преступление, заставить измениться, подвергнуться наказанию’ (ДЕЙСТВИЕ → КАУЗАЦИЯ); в этимологических дериватах б) **сражаться – побеж-**

дать – работать: гот. *weihan*, др.-англ. *wigan* ‘сражаться, воевать’, лат. *vincere* ‘покорять, побеждать’, литов. *veikti* ‘действовать, работать’; в) **пронзать – работать – расстраивать**: рус. *труд*, лат. *trūdere* ‘колоть, пронзать, толкать’, др.-англ. *þrēotan* ‘расстраивать, утомлять, мучить’ (КАУЗАЦИЯ → ДЕЙСТВИЕ → СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)) [3; 7, с. 304, 541, 1345, 1371].

Направления производности демонстрируют архаичный синкретизм ДЕЙСТВИЙ – СОСТОЯНИЙ, где эмоциональные и физиологические состояния не имеют автономной формы выражения, будучи привязаны к событиям и действиям, которые они сопровождают, их интерпретации и оценке. Ср. полисемию значений: а) **работа – горе – боль**: др.-англ. *weorc* ‘работа, действие, му́ка, несчастье’; этимологические дериваты: б) **сражаться – страдать – работать – желать:** др.-англ. *winnan* ‘сражаться, страдать, трудиться’, др.-исл. *unnr* ‘меч’ (дериват семы ‘сражаться’), др.-исл. *vinna* ‘работать, выполнять’, гот. *winnan* ‘страдать’, *wunns* ‘боль’, лат. *venus* ‘любовь, желание, Венера’, др.-инд. *vanas* ‘желание’ (ДЕЙСТВИЕ → СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)); в) **преследовать – наказывать – страдать**: гот. *wrikan* ‘преследовать’, др.-англ. *wræc* ‘нужда, изгнание, преследование, месть, мщение, несчастье, горе’; г) **перемещать – болезнь:** санскр. *vi-ādhi-* ‘болезнь’, букв. ‘перемещение’ < *vi-ā-* и *dhā* ‘место, положить‘; д) **болезнь – убийца – смерть**: авест. *ban-* ‘быть больным’, гот. *banja*, др.-норв. *ben* ‘рана’, др.-англ. *bana* ‘убийца’, др.-верхненем. *bano* ‘смерть, убийца’ (КАУЗАЦИЯ → СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)) [3; 7, с. 304, 541, 1345, 1371].

Синтагматические связи единиц фиксируют опыт прохождения человеком XII дома. Ср. описание этого дома в гороскопе У. Шекспира: *The 12th house is emphasized in your chart <…> it is indeed the house of hidden or isolated places, of solitude, of ordeals or enemies – it can also mean that a part of your life is very deep and intense. If your achievements are not visible in the public eye, you may fulfil yourself in a different but equally important way: you may be involved in secret activities, humanitarian causes, and projects in favour of disadvantaged people. You are likely to work in quiet and remote places. In many cases, you will gain from these hidden activities as many treasures as people who have a more public destiny. It may be because you sublimate your work, or only because you successfully carry out your task within your environment* [14]. Ключевые слова подчеркивают выраженность XII дома: *the house of hidden, isolated places* ‘дом скрытых, изолированных мест’; *of solitude, ordeals, enemies* ‘одиночества, тяжелых испытаний, врагов’; *a part of your life is deep, intense* ‘часть вашей жизни глубокая, напряженная’; *involved in secret activities* ‘вовлечены в тайную деятельность’; *in favour of disadvantaged people* ‘в пользу обездоленных людей’; *work in quiet and remote places* ‘работать в тихих и отдаленных местах’; *will gain from these hidden activities* ‘извлечете преимущества из скрытой деятельности’; *sublimate your work* ‘идеализируете свою работу’ и т.д.

Обратимся к поэтическим текстам как источнику символической образности, где слово рассматривается как элемент образного языка с «расщепленной референцией» (Р. Якобсон), при которой референциальная основа слова уступает место символической референции как отсылке к «глубоко укорененным возможностям реальности» (П. Рикер). Особый случай расщепленной референции представляет германский аллитерационный стих и древнеанглийские аллитерационные комплексы типа *wanode ond wyrde* ‘исчез и разрушился’, ряд которых относится к формульным поэтическим элементам. Ярким представителем аллитерационного стиха является поэма «Беовульф» (начало XI в.). Специфика аллитерационного текста состоит в том, что его содержанием становится сама форма, а его символика задается ассоциированием значений аллитерирующих лексем. Поэтический текст «не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания» [1, с. 28].

В данной статье рассматриваются аллитерирующие лексемы с начальным звуком /w/. Они системно концентрируют образную семантику древнего текста, формируя поэтический текст «с повышенными признаками упорядоченности» в парадигматических отношениях (Ю.М. Лотман). В аллитерационном тексте лексические парадигмы выступают как дополнительные смысловые парадигмы, упорядочивая семантику вокруг центральных образов сражений (*wīg*), воинов (*wīgend, wiga*), врагов (*wealh*), сопротивления (*wiðre*), оружия (*wǣpen*), убитых (*wæl*), ран (*wund*), изгнания, мести (*wræc*), горя (*wā*), работы, страдания (*weorc*), наказания (*wīte*), судьбы (*wyrd*). Общий фон поэмы – темный, мрачный, лишенный жизни (*wan*) и радости (*wynlēas*), эмоциональный и оценочный фон – негативный с номинациями гнева, ненависти (*wrāþ*), слабости

(*werig*), злобы (*wearg*), ошибки (*wrang*), печали (*weorr*). С образом смерти ассоциированы шторм (*wintrys wylm*), холодная погода (*weder*), зима (*winter*) ветер (*wind*), водная стихия (*wæter*). Данный фрагмент лексикона включает лексемы с семантикой ирреальной модальности – желаний, намерений (*willan*), надежд, предположений (*wēnan*), связанной с реализацией в тексте позитивных образов мудрости (*wīsdōm*), гордости (*wlanc*), дружбы (*wineshipe*), верности (*wǣr*), славы (*wuldor*), Бога (*Wealdend*) и т.п. (в статье эти единицы не рассматриваются).

Когнитивной базой парадигматики аллитерирующих /w/ лексем служат имидж-схемы ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, РАЗДЕЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, НЕЗАПОЛНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, НЕЗАКРЕПЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ, ПУСТОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПРОСТРАНСТВО ИЗВНЕ и образованные на их базе когнитивные переносы. В ходе этимологического анализа обнаруживаются четыре базовых переноса КРИВОЙ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ, НЕЗАКРЕПЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ, РАЗДЕЛЯТЬ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ, ПУСТОЙ → ЖЕЛАНИЕ, НАДЕЖДА, демонстрирующие направления концептуализации искривленного, разделенного, пустого пространства. Как неблагоприятные интерпретируются действия, процессы, сопровождающие их эмоциональные состояния, физические объекты (люди, предметы), их атрибуты, абстрактные конструкты. Иллюстрации переносов приведены ниже.

КРИВОЙ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ

а) **крутить → мстить:** др.-англ. *wrecan* ‘гнать, преследовать, толкать, мстить’, гот. *wrikan* ‘преследовать’, др.-англ. *wrecca* ‘изгнанник, беженец, негодяй’, др.-исл. *rǣkj*a ‘изгнать’, др.-англ. *wræc* ‘нужда, изгнание, преследование, месть, мщение, несчастье, горе’ < герм. **wrekan- / wrakan-* ‘гнать, преследовать’, лат. *urgēre* ‘давить, теснить’, лит. *vargas* ‘горе, беда’, рус. *враг* < и.-е. **u̯ereg-* ‘давить, притеснять, гнать’ < **u̯er-* ‘крутить, вить’; б) **крутить → разгневанный:** др.-англ. *wrāþ* ‘разгневанный, свирепый, ненавистный, горестный’, др.-сакс. *wrēð* ‘скрученный’, гот. *wraigs* ‘кривой’, др.-англ. *wrīðan* ‘плести’ < и.-е. **u̯reit-* ‘виться, гнуться’ (В.В. Левицкий возводит значения ‘гнев, злоба’ к значениям ‘гнуть, рвать, давить’ [3, с. 255]); в) **крутить → работа:** др.-англ. *weorc* ‘работа, действие, му́ка, несчастье’, гот. *waurkjan* ‘делать’ < герм. **werk-* ‘работа, делать’; греч. *ἔργον* ‘работа’, санскр. *vrajá-h* ‘плетень, ограда’, авест. *varəz* ‘огораживать’ < и.-е. **u̯erg-* ‘плести, вить’; г) **крутить → ошибочный:** др.-англ. *wringan* ‘давить, жать’, гол. *wringen* ‘крутить’ < герм. **wriŋgan-* ‘давить, жать’; санскр. *várjati* ‘крутит, поворачивает’ < и.-е. **u̯er-* ‘вращать, гнуть’; др.-англ. *wrang* ‘дурной, неправильный, ошибочный’, др.-исл. *rangr* ‘кривой, неправильный’ < герм. **wraŋga-* ‘перекрученный’; д) **крутить → тревога, преступление:** англ. *worry* ‘тревога, забота’, др.-англ. *wyrgan* ‘задушить, удавить’, др.-верхненем. *wurgen* ‘душить’ < герм. **wurgjan-* ‘стягивать, давить’, санскр. *várjati* ‘крутит, поворачивает’ < и.-е. **u̯erĝh-* ‘связывать, соединять’ < и.-е. **u̯er-* ‘крутить, вращать, гнуть’; др.-англ. *wyrgan,* гот. *gawargjan* ‘проклинать’, др.-англ. *wearg* ‘изгнанник, преступник’, др.-исл. *vargr* ‘волк, вор, преступник’ < герм. **warg-* ‘причинять зло’, др.-исл. *virgill* ‘веревка’; е) **скрученный → судьба:** др.-англ. *wyrd*, др.-верхненем. *wurt* ‘судьба, рок’, др.-исл. *urðr* ‘несчастье, смерть, судьба’ < герм. **wurð-* < и.-е. **u̯er-* ‘вращать, вертеть, крутить’ (по В.В. Левицкому, судьба, рок для германцев представляются как нечто ‘скрученное, сплетенное’ [3, с. 241]).

НЕЗАКРЕПЛЕННЫЙ ОБЪЕКТ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ

а) **качающийся → ошибочный:** др.-англ. *wōh* ‘изогнутость, извращенность, неправда, ошибка’, санскр. *vañc* ‘шататься, качаться’, лат. *vacillāre* ‘шататься, качаться’; б) **изгибаться → слабый:** англ. *weak*, др.-англ. *wāc*, др.-верхненем. *weih*, др.-исл. *veikr* ‘мягкий’ < герм. **waik(w)az* ‘мягкий, уступчивый’; др.-англ. *wīcan* ‘уступать, уклоняться’ < герм. **wīkjan-* ‘уступать место’, лат. *vicis* ‘смена, обмен’, санскр. *vijatē* ‘убегает’, тох. В *wik-* ‘исчезать’ < и.-е. **u̯eik- / u̯eig-* ‘изгибаться’.

РАЗДЕЛЯТЬ → НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ

а) **напротив (пространство) → против (отношение);** б) **отделять → ошибка:** нем. *wider* ‘против’, др.-верхненем. *widari*, др.-англ. *wiðer*, др.-сакс. *wiðar* ‘у, при, возле’, гот. *wiþra*, англ. *with* предлог ‘вместе, с’, др.-англ. *wiþ*, др.-исл. *við* ‘возле, напротив’ < герм. **wiþ-* ‘напротив, совместно’; лат. *vitium* ‘ошибка’ (< ‘отклонение’), санскр. *vitarám* ‘дальше’, рус. *второй* < и.-е. **u̯i-tero-* ‘дальше’ < и.-е. *u̯i-* ‘отделять’.

ПУСТОЙ → ЖЕЛАНИЕ, НАДЕЖДА

а) **пустой → желание:** среднеангл. *want* ‘хотеть’, др.-англ. *wan* ‘недостаточный, отсутствующий’, др.-верхненем. *wuosti* ‘пустой’, др.-англ. *wanian* ‘уменьшаться, убывать, погибать’, др.-англ. *wēnan* ‘ожидать, надеять-

ся, бояться, полагать, думать', др.-верхненем. *wān* 'надежда, желание', др.-исл. *vān*, гот. *wēns* 'надежда' < герм. **wǣn-* 'надеяться, желать' < и.-е. *u̯en-* 'желать, любить, стремиться'; возм. связь с лат. *vānus* 'пустой, бесполезный, лживый' (< и.-е. **u̯ā-, u̯ə-* 'отсутствовать, желать; пустой, незаполненный' [9]).

Анализ этимологии лексем указывает на негативную оценку перемещенного, незакрепленного, удаленного, находящегося внизу и извне объекта, искривленного, пустого, разделенного пространства. Эти же аллитерирующие лексемы связываются в текстовые синтагмы, формируя синтагматические сети с высокой степенью образности. Синтагматическое ассоциирование значений и символических образов в древнеанглийском стихе прослеживается, как правило, в двух кратких полустишиях длинной строки, разделенных цезурой – паузой (В.М. Жирмунский), ср.: ***w**an under **w**olcnum. **W**erod eall árás* '… темный под небесами. Отряд весь поднялся' 651*. В двух полустишиях аллитерируют лексемы ***w**an* (отсутствующий, темный), ***w**olcen* (небеса), ***w**erod* (отряд), находящиеся под ударением. Аллитерация всей строки обусловлена первым ударным слогом второго полустишия в существительном ***w**erod*.

В основе синтагматических ассоциатов лежат имидж-схемы ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ОРУДИЕ, схемы динамики силы ДЕЙСТВИЕ, КАУЗАЦИЯ, СОСТОЯНИЕ и другие, которые соединяют несколько смыслов и формируют образы поэмы. Синтагматические ассоциаты, представленные ниже, являются отдельными звеньями крупной пропозиционной цепочки АНТАГОНИСТ – АГОНИСТ – СОСТОЯНИЕ (ПРИЧИНА) – ДЕЙСТВИЕ – КАУЗАЦИЯ – СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ). Ср.: а) **враг – следить:** *waca wið wrāþum* 'следить за врагом' 660; б) **враг – битва**: *wergan gāstes. Wæs þæt gewin tō strang* 'злобные духи. Была та битва слишком сильной' 133; в) **борьба – ветер:** *won wið winde* 'боролся с ветром' (КАУЗАЦИЯ – АНТАГОНИСТ); г) **оружие – враг**: *wǣpen tō wyrme* 'оружие против дракона' 2519 (ОРУДИЕ – АНТАГОНИСТ); д) **мстить – воин – оружие**: *wigum ond wǣpnum; hē gewræc syððan* 'с воинами и оружием; он затем отомстил' 2395; е) **месть – горе:** *wræc Wedera nīð – wēan āhsodon* 'отомстил за урон ведеров – они испытали горе' 423; ж) **изгнание – одиночество:** *wræccan wine-lēasum* 'изгнание без друзей' 2613; з) **рана – делать:** *wunde gewyrcean* 'наносить раны' 2906 (КАУЗАЦИЯ – СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ); и) **враг – смерть:** *wīghryre wrāðra* 'смерть врагов в бою' 1619 (АНТАГОНИСТ – СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)); к) **оружие – рана:** *wǣpen wundum heard* 'оружие, закаленное ранами' 2687 (ОРУДИЕ – СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)); л) **рана – усталый – горе:** *wundum wērge; wēan oft gehēt* 'уставший от ран; он предвещал беды' 2937; м) **вражда – горе:** *wēan onwendan; wæs þæt gewin tō swȳð* 'горе отвести; была та вражда слишком сильной' 191; н) **рана – смерть:** *wunde wæl-blēate* 'смертельная рана' 2725 (СОСТОЯНИЕ (ПРИЧИНА) – СОСТОЯНИЕ (РЕЗУЛЬТАТ)).

Связывая две или три аллитерирующие лексемы, аллитерация превращается в мотивированный прием. Поэт связывает слова «не по произволу, а по истине», скрепляя весь героический мир (О.А. Смирницкая). В целом по результатам синтагматического ассоциирования формируется аффективная область знания, где негативно оцениваются и переживаются действия, события и состояния. Рассмотренные ассоциации превращают аллитерирующие структуры в поэтические формулы образопорождающего типа, которые канонически фиксируют «зоны традиционной семантики» (Г.И. Мальцев), отсылают к референциальным образам, типичным для героического эпоса, и становятся источником системы символической референции, схожей с системой знаний, лежащей в основе прогностического текста. Формульность и гипертрофированная языковая форма поэмы выступают как двуслойный нарратив, в котором один слой формируется структурами естественного языка и отражает денотативные значения лексем, а другой слой – паттерны звуковых повторов в аллитерирующих лексемах – отражает ассоциативные значения, схожие с «небесными» аналогами XII дома. Имплицитный план текста сформирован доминирующей визуальной символикой стиха, где форма становится содержанием, а слово – «иконой» [4, с. 52].

Итак, при моделировании направлений концептуализации человеческого опыта прогностический текст и англосаксонский аллитерационный стих выступают как вторичные моделирующие системы, индуцируя реализацию систем наивного и аффективного знания. Система прототипного знания, общая для фрагментов гороскопной астрологии (XII дом)

* При цитировании поэмы «Беовульф» дается наш перевод и рядом с текстом перевода указывается номер соответствующей строки оригинала.

и древнеанглийского аллитерационного стиха (начальный /w/), относится к сфере человеческого опыта, ассоциируемой со слабостью, отсутствием силы и контроля, подчинением, несчастьем, ирреальностью. Структурами знания, общими для двух типов анализируемых текстов, являются имидж-схемы физических объектов (агонистов и антагонистов) в пространстве, которое искривлено, разделено, находится извне, является пустым. Антагонисты искривляют, разделяют, перемещают, удаляют физические объекты, воздействуют, подчиняют, ограничивают последние, находясь с ними в оппозиционных отношениях. На базе данных схем формируются когнитивные переносы с негативной оценкой перемещенного, незакрепленного, удаленного, находящегося внизу и извне объекта, искривленного, пустого, разделенного пространства. На основе когнитивных переносов осуществляется кодирование абстрактных конструктов, эмоциональных и физиологических состояний, номинация которых включает индуцирующее их событие, сопутствующие действия, интерпретацию, оценку. Параллелизм в символике двух типов текстов во многом объясняется взаимодействием «инстинктивного, эмоционального, рационального и интуитивного» (В.И. Карасик) способов познания реальности, формирующих отвлеченные образы на базе человеческого тела как ориентира в пространстве.

Список литературы

1. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991.
2. Карасик В.И. Трансформация знания в современную эпоху: лингвокультурный аспект // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 3(116). С. 88–94.
3. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков: в 3 т. Черновцы: Рута, 2000. Т. 2.
4. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л.: Наука, 1989.
5. Al-Bīrūnī M. ibn A. The book of instruction in the elements of the art of astrology. Edited and translated by R. R. Wright. L.: Luzac & Co., 1934.
6. Beowulf: a Dual-Language Edition. Transl. with an introd. and commentary by H. D. Chickering, Jr. N. Y.: Anchor Books, Doubleday, 1989.
7. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
8. Encyclopedia of Indo-European Culture. J.P. Malory, D.Q. Adams (Eds.). L., Chicago: Fitzroy Dearborn Publ., 1997.
9. Indo-European Lexicon [Electronic resource]. URL: https://lrc.la.utexas.edu/lex (дата обращения: 26.07.2017).
10. Lilly W. Christian Astrology. Books 1 and 2. Astrology Classics, 2005.
11. Manilius. Astronomica. Edited and translated by G.P. Goold. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977.
12. Maternus Firmicus. Ancient Astrology Theory and Practice (Matheseos libri VIII). Transl. by Jean Rhys Bram. New Jersey: Noyes press, 1975.
13. Vries Ad de. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; L.: North-Holland Publishing Company, 1974.
14. William Shakespeare: Astrology and Horoscope [Electronic resource]. URL: https://www.astrotheme.com/astrology/William_Shakespeare (дата обращения: 26.07.2017).

* * *

1. Vinokur G.O. O jazyke hudozhestvennoj literatury. M.: Vyssh. shk., 1991.
2. Karasik V.I. Transformacija znanija v sovremennuju jepohu: lingvokul'turnyj aspekt // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2017. № 3(116). S. 88–94.
3. Levickij V.V. Jetimologicheskij slovar' germanskih jazykov: v 3 t. Chernovcy: Ruta, 2000. T. 2.
4. Mal'cev G.I. Tradicionnye formuly russkoj narodnoj neobrjadovoj liriki (Issledovanie po jestetike ustno-pojeticheskogo kanona). L.: Nauka, 1989.

Cognitive modeling of semantics of key lexemes in predictive and poetic texts

The article deals with the cognitive structures that are the basis for the prototype semantics of the key lexemes in predictive and poetic alliterative texts. The author studies the paradigmatic and syntagmatic key lexemes, finds out similar directions of conceptualization of the structures of the parascientific and artistic knowledge based on the events and the body basis of a person.

Key words: *cognitive structures, predictive text poetic text, alliteration, prototype semantics.*

(Статья поступила в редакцию 04.08.2017)